

«ТОПОГРАФИЯ ВОЖДЕЙ». В ЧЕСТЬ КОГО НАЗЫВАЛИ ГОРОДСКИЕ РАЙОНЫ В СТАЛИНСКОМ СССР?¹

В настоящей статье рассматривается проблема формирования и функционирования «советского пантеона» – круга вождей большевистской партии сталинской эпохи, обзаведшихся собственной мифологией и иконографией, чрезвычайно значимой для политической культуры довоенного СССР. Важнейшим атрибутом членов пантеона была особая топография – система переименований объектов на карте. Если в послереволюционном периоде господствующим в отношении переименований был «канон мучеников» (переименование объектов в честь локальных героев революции и гражданской войны), то с утверждением Сталина в качестве лидера государства доминировать начал «канон вождей». Однако анализ системы наименований внутригородских районов (по материалам переписи 1939 г.) позволяет сказать: хотя количество наименований районов в честь различных вождей СССР позволяет с большой уверенностью очертить советский пантеон, конкретные практики наименования в разных типах городских поселений могли быть весьма разнообразными и не позволяют говорить о тотальном доминированной единой идеологической сети, направляемой из центра.

Ключевые слова: СССР, топография, сталинизм, переименование географических объектов, районы городов

Первая волна переименований в постреволюционной России, затронувшая города и улицы, следовала «канону мучеников». В большинстве случаев улицы называли в честь местных большевиков и героев гражданской войны, погибших в борьбе или умерших до окончательного триумфа социализма, и теперь заслуживающих памяти. В центральной части Екатеринбург-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

га–Свердловска почти все улицы получили наименования по этому канону, исключением были две главные улицы, названные в честь вождей – Ленина и Троцкого. «Канон мучеников» был локален, большинство городов и регионов обладало уникальным набором значимых фигур [Селивановский, с. 73]. Был и ряд фигур союзной значимости – такие, как Я. М. Свердлов, В. Володарский, М. С. Урицкий, В. В. Воровский.

На протяжении 1920-х гг., когда большевистский ЦК старался коллективным авторитетом заменить ушедшую харизму Ленина, формировался «канон вождей», альтернативный «канону мучеников». В отличие от мучеников, вождям необязательно было героически погибнуть, чтобы воплотиться в топографии; от них требовалось занимать высокий пост в официальной иерархии, а значение переименования теперь перенесло акцент с памяти на признательность и благодарность. На советских картах появились не только Ленинград и Свердловск, но и другие города, названные в честь здравствующих руководителей страны. Рубежным годом стал 1924-й: наряду с Ленинградом и Свердловском в этом году Елисаветград превратился в Зиновьевск, а донбасская Юзовка – в Сталино. Еще раньше, в 1923 г., Гатчина была переименована в Троцк. Логика переименований была сложной: если Г. Е. Зиновьев в бывшем Елисаветграде родился, то вот Л. Д. Троцкий был связан с Гатчиной вехами своей революционной карьеры. А Сталин? Переименование второстепенного рабочего города Юзовки в 1924 г. было не столько целенаправленным манипулированием, призванным возвеличить Сталина путем присвоения его имени пролетарской «столице» Донбасса. Напротив: Юзовка была тогда относительно некрупным городом, и местный совет, рассчитывая избавиться от памяти о капиталисте Дж. Хьюзе, решил переименовать город в честь Сталина благодаря... созвучию: профилем индустрии Юзовки была сталелитейная индустрия, а Сталин уже тогда был одним из признанных вождей СССР. В честь Сталина был переименован и местный металлургический завод, давший, в свой черед, имя городскому району.

По мере возвышения Сталина, концентрации власти в его руках и разгрома всех его противников в ВКП(б) «канон вождей» начинал доминировать. Теперь для увековечения имени нужно было не только иметь позицию в самом верхнем эшелоне властной иерархии, но и относиться к числу близких соратников Сталина, деятельно участвовать в строительстве социализма эпохи первых пятилеток. Этот узкий круг лиц, в 1930-х г. заполонивший топографию СССР, мы будем называть советским *пантеоном*. Ведь вожди, относившиеся к этому кругу, не просто считались лучшими руководителями и «пламенными революционерами», но и обладали своего рода наборами типичных черт, своего рода функциями патронов тех или иных сфер социальной жизни, и в силу этого – собственной мифологией и иконографией. «Кульм личности» Сталина, являвшийся стержневой конструкцией пантеона, изучен достаточно хорошо [Pisch], а вот о пантеоне в целом, насколько нам известно, не выходило специальных работ. Часто его принимают как данность.

Кого же отнести к пантеону? Воспользуемся для первого определения сочинением К. Б. Радека «Зодчий социалистического общества», панегирическую биографию Сталина, написанную в форме лекции «на курсе истории победы социализма, прочитанного в 1967 г. в школе междупланетарных сообщений». Предусмотрительный Радек в последнем, заключающем абзаце книги писал: «На мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками – Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининим, Орджоникидзе – стоял Сталин в серой солдатской шинели <...> К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, что там, на мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции» [Радек, с. 55–56]. Впечатляющий изобразительный ряд книги словно бы подчеркивал – исподволь – эту черту: Сталин часто появлялся вместе с коллегами по Политбюро: дань уважения концепции коллективного руководства, «ленинского ЦК».

Итак, Радек назвал в своей книги 6 живых вождей и одного – мертвого. Мы же попробуем оценить состав пантеона с помощью данных «топографии вождей». Поскольку анализ переименования городов не является в полной мере релевантным, а единой базы данных о переименованиях улиц нет, мы решили обратиться к наименованиям городских районов, возникших главным образом в 1930-е гг., уже в сталинскую эпоху. Точные данные об этих названиях мы почерпнули в материалах переписи 1938 г., где одним из способов фиксации данных была разбивка по районам внутри отдельных горсоветов [Всесоюзная перепись населения 1939 г.]. Район был важной административной единицей – самой нижней, самой близкой к народу единицей советской власти. А потому анализ названий районов, сведенный в таблице 1, представляет большой интерес.

Таблица 1.

Название района	Частотность	Назван в честь личности?
Сталинский	37	Да
Кировский	32	Да
Ленинский	31	Да
Центральный	25	
Кагановичский	16	Да
Октябрьский	15	Нет
Дзержинский	12	Да
Орджоникидзевский	11	Да
Куйбышевский	10	Да
Фрунзенский	9	Да
Молотовский	8	Да
Ворошиловский	8	Да
Железнодорожный	7	Нет
Пролетарский	7	Нет
Ежовский	5	Да
Свердловский	4	Да
Ждановский	4	Да
Калининский	3	Да
Петровский	2	Да
Красногвардейский	3	Нет
Андреевский	2	Да

Ильичевский	2	Нет
Володарский	2	Да
Артемовский	2	Да
Микояновский	1	Да
Азизбековский	1	Да
Трусовский	1	Да
Буденновский	1	Да
Джапаридзевский	1	Да

То, что наиболее популярным названием района советского города оказалось и имя «Сталинский», не является, конечно, удивительным. Интерес представляет распределение других наименований. Вопреки ожиданиям, вторым номером списка оказался не Ленин, а Киров – «любимый Миرونыч» обошел Ильича на один пункт и расположился совсем близко к Сталину. Ведущая тройка названий – Сталинский, Кировский, Ленинский – довольно далеко оторвалась от преследователей. Недаром на 4-м месте расположилось безликое, совершенно аполитичное название – Центральный район (5 случаев).

Кто же из советских лидеров расположился в непосредственной близости к этой тройке? Это Л. М. Каганович: его именем были названы районы в 16 городах (5-е место таблицы частотности). А если учесть, что Каганович был – в отличие от Ленина и Кирова – здравствующим руководителем по состоянию на 1938 г., то можно сказать: согласно «топографии вождей» вторым человеком в СССР после Сталина был именно «железный Лазарь».

В этой топографической иерархии за Кагановичем следовало сразу несколько большевистских руководителей, чьими именами были названы 10 или более районов: Ф. Э. Дзержинский, Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышев; опять-таки, все они к 1938 г. были мертвы, хотя в случае с Орджоникидзе большинство районов были названы в его честь еще при жизни наркома тяжелой промышленности; если говорить о состоянии дел на конец первых двух пятилеток, то топография вождей указывает именно на Ор-

Орджоникидзе как на третье лицо в иерархии власти после Сталина и Кагановича.

Сюрпризом для нас, когда мы готовили таблицу частотности, стали скромные позиции таких влиятельных, казалось бы, руководителей, как К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов. Воспетый в многочисленных песнях глава Красной Армии и председатель Совета народных комиссаров, успевший еще и поруководить Коминтерном – оба они расположились в следующей группе частности, имея менее 10 районов, названных их именами (по 8 районов у каждого). А ведь выше них расположились не только недостижимый Сталин, не только покойные Киров, Ленин, Дзержинский и Фрунзе (в честь которого было названо 9 районов), но и благополучно здравствующий Каганович, а также совсем недавно ушедший из жизни Орджоникидзе. Больше того: в эту же группу попал (правда, на замыкающей позиции) и нарком внутренних дел Н. И. Ежов, чьим именем были названы 5 районов.

Четвертая группа руководителей, куда мы отнесли тех, чьим именем было названо более 1, но менее 5 районов, включает Я. М. Свердлова, А. А. Жданова, М. И. Калинина, Г. П. Петровского, А. А. Андреева, Володарского и Артема (Сергеева). Наконец, в замыкающей группе вождей, чьим именем назвали всего-то по одному району на весь союз, находятся маршал С. М. Буденный, нарком пищевой промышленности А. И. Микоян, а также один из расстрелянных бакинских комиссаров М. Азизбеков, глава астраханских большевиков в 1917 г. А. Е. Трусков.

Постараемся теперь привести несколько выводов, которые анализ «топографии вождей» позволяет сделать относительно функционирования советской политической идеологии и культуры.

Во-первых, мы можем с большой точностью назвать сам этот пантеон, который в основном сложился к концу 1930-х гг. и более практически не расширялся (зато переживал сужения в силу политической борьбы после смерти Сталина, а также позднейшей десталинизации). В него входили Сталин, Киров, Ленин, Каганович, Дзержинский, Орджоникидзе, Куйбышев,

Фрунзе, Молотов, Ворошилов, Ежов (на очень короткое время), Свердлов, Жданов, Калинин, Петровский, Андреев, Володарский, Артем. В честь всех этих деятелей было названо по крайней мере 2 района в разных городах СССР².

Этот список означает, в свою очередь, что попасть в советский пантеон было вовсе не так легко, как может показаться современным исследователям, изучающим бесконечное переписывание истории в годы Сталина. Чтобы попасть в пантеон, надо было отвечать двум главным критериям: быть старым большевиком и принять деятельное участие в восхождении Сталина к вершине власти и последовавшее строительство социализма в годы первых пятилеток. Ядерная группа пантеона – помимо, конечно же, Сталина и Ленина – включает тех вождей, которых назвал Радек на последней странице своего панегирика Сталину; она должна быть дополнена Дзержинским и Фрунзе, которым здесь отводилась роль основателей важнейших ведомств Союза – Красной Армии и ГПУ. Вместе с тем, пантеон во многом абсорбировал и более старые ходы «канона мучеников». Это явствует из присутствия в нем Свердлова и Артема, а также из того гипертрофированного места, которое занял в пантеоне Киров. Исключением, которое подтверждает правило, является здесь Ежов. У руководителя Большого террора не было ни солидного большевистского стажа, ни репутации руководителя строительства социализма; в конечном счете, биографию Ежова партийным литераторам и идеологам пришлось фактически придумывать. Несмотря на все это, в честь Ежова было названо целых 5 районов, и не только в Семипалатинске, с которыми он был по крайней мере связан своей административной карьерой, но и в таких городах, как Архангельск, Кривой Рог, Свердловск и Чкалов. Стремительно возникший культ Ежова как «батыра», борющегося с врагами социа-

² При этом именованья в честь Петровского были локализованы исключительно на Украине – в Киеве, Харькове и Сталино – что позволяет рассматривать его как фигуру республиканского, но не всесоюзного «пантеона». В честь Володарского были названы 2 района – в Ленинграде и в Брянске, однако если в первом случае переименование было связано с мощной кампанией памяти о Володарском как о «любимом вожде рабочих Петрограда», то во втором стало результатом слияния нескольких поселков, получивших еще в начале 1920-х гг. новые названия по обрисованному выше «канону мучеников» (именами Володарского, Урицкого и Воровского соответственно).

лизма, столь же стремительно исчез, продержавшись всего около полутора лет. Но в остальном даже несмотря на чудовищные потрясения Большого террора пантеон оставался стабильным. Важно отметить также, что в составе «топографии вождей» отсутствовали такие крупные фигуры, как М. Горький и В. А. Чкалов, несмотря на то, что в их честь были переименованы крупные города.

А теперь следует обратить внимание на «качество» частотности. Ведь города, в составе которых были выделены районы, были весьма разнообразны, и их тоже можно поделить на несколько групп.

Первая группа – это столицы и крупнейшие города страны, Москва и Ленинград. Ко второй группе мы отнесли столицы союзных республик³. Третья группа включает в себя старые региональные «столицы» в составе РСФСР и УССР – центры краев, областей и автономных республик по состоянию на 1930 г.⁴ В третью группу отнесены областные центры, получившие такой статус в середине и 2-й половине 1930-х гг. в процессе разукрупнения административно-территориальных единиц в РСФСР, УССР и Казахстане⁵. К пятой группе были отнесены города, не являющиеся центрами областей⁶. Однако, поскольку эта административная иерархия не исчерпывала характера положения городов в советской территориально-политической иерархии, все города были также разделены на 2 категории: промышленные центры и города, не имеющие крупных предприятий.

Первый вопрос, которым стоит задаться: как соотносятся с этими категориям именованя районов в честь вождей?

³ 9 таких центров: Киев, Минск, Баку, Тбилиси, Ереван, Ашхабад, Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе.

⁴ Это 21 «старый» центр: Хабаровск, Архангельск, Воронеж, Горький, Иваново, Куйбышев, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Свердловск, Сталинград, Уфа, Улан-Удэ, Симферополь, Орджоникидзе, Казань, Ижевск, Грозный, Днепропетровск, Одесса, Артемовск, Харьков.

⁵ Это 25 «новых» центров: Барнаул, Иркутск, Краснодар, Красноярск, Владивосток, Курск, Орел, Пенза, Калинин, Киров, Молотов, Омск, Саратов, Тамбов, Тула, Челябинск, Чкалов, Ярославль, Запорожье, Николаев, Сталино, Ворошиловград, Джамбул, Семипалатинск, Караганда.

⁶ Сюда относится 21 город: Анжеро-Судженск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Сталинск, Ульяновск, Томск, Брянск, Таганрог, Нижний Тагил, Астрахань, Златоуст, Магнитогорск, Керчь, Севастополь, Кривой Рог, Горловка, Краматорск, Максевка, Мариуполь, Чистяково.

Второй вопрос: с каким постоянством воспроизводилась концептуальная матрица? Даже беглый анализ позволяет заметить, что конкретные случаи могут сильно отличаться от той модели, на которую указывают количественные данные. Иными словами, хотя наименование района в честь Сталина и было наиболее распространенным в СССР, половины городов, в составе которых были выделены районы, вовсе не имели среди этих районов Сталинского (всего Сталинских районов было 37, а городов с районами – 77). Например, в составе Владивостока было 4 района: Ворошиловский, Ленинский, Фрунзенский и Первореченский; как видим, из тройки наиболее распространенных вариантов (Сталин – Киров – Ленин) присутствует только один. Зато два района, названные в честь членов пантеона, связанных с Красной Армией, указывают, возможно, на военный характер города-крепости. Да что Владивосток! Не было Сталинского района и в Ленинграде, при том, что на карте районов северной столицы имелись имена не только непосредственно связанных с ней Ленина, Кирова и Володарского, но и Куйбышева с Дзержинским.

Нужно поэтому установить, в каких из 5 категорий городов наиболее часто встречались имена вождей из топ-3.

Таблица 2.

Наименование района	Группа 1 (союзные столицы)	Группа 2 (центры республик)	Группа 3 («старые» областные центры)	Группа 4 («новые» областные центры)	Группа 5 (прочие)
Сталинский	50%	90%	50%	60%	20%
Ленинский	100%	70%	50%	40%	10%
Кировский	100%	60%	40%	40%	30%
Кагановичский	0%	40%	30%	20%	5%

В республиканских столицах имя Сталина повсеместно употреблялось для наименования районов: из 9 таких городов лишь в одном – столице Та-

джикистана Фрунзе – почему-то отсутствовал Сталинский район. Зато в региональных «столицах», как «старых», так и «новых», частота появления имени Сталина в качестве названия района составляла примерно 50%.

А в городах, не имевших административного статуса, доля таких названий была еще ниже – всего-то 20% (лишь 4 города из 21 имели в составе Сталинский район). При этом многие города этой категории были по существу основаны заново в годы первых пятилеток – но Сталинские районы находились по какой-то не поддающейся истолкованию логике лишь в Астрахани, Керчи, Нижнем Тагиле и Таганроге. Зато они отсутствовали в таких городах, как Магнитогорск, Сталинск, Краматорск, настоящих гигантах пятилеток, где, добавим, работали крупнейшие промышленные производства, носившие имя «отца народов» (металлургические комбинаты в Магнитогорске и Сталинске, завод тяжелого машиностроения в Краматорске). Но, вопреки той логике, которая вроде бы должна вытекать из тоталитарного характера советского режима, два района Магнитогорска носили имена «мученика» Кирова и «железного наркома» Орджоникидзе, руководившего возведением завода-гиганта...

Полученные данные являются, конечно, лишь предварительным и не вполне надежным абрисом «топографии вождей». Тема, важность которой для анализа политической культуры СССР сталинской поры, нуждается в дальнейшем изучении на различных уровнях – не только городских районов, но и наименований городов и иных населенных пунктов, предприятий и организаций, улиц, железных дорог. Требуется здесь и анализ конкретных кейсов – как и почему осуществлялось то или иное переименование, присваивалось то или иное название. Подобный анализ поможет обнаружить внутри иерархичной структуры удивительное разнообразие поведенческих стратегий, в которых такие имена, как Киров, Орджоникидзе или Фрунзе обретали особенное значение, не всегда легко улавливаемое сегодня. Но даже эти предварительные данные позволяют говорить о том, что структура тоталитарной идеологии сталинизма была чрезвычайно сложной и далеко не своди-

лась к внедрению единообразия на всей территории страны на основании директив из центра. В частности, принципиально важный для политической культуры СССР «красный пантеон» формировался на основании «канона вождей», который, в свою очередь, располагал своих топографических героев в истории (будь то веха биографии, ведомственная связь или доставшаяся от более старого «канона мучеников» коммеморативная значимость). Важнейшей чертой вождя была его карьера, его *путь* – и это, кстати, в полной мере почувствовал и Радек, писавший в упомянутой уже книге «Зодчий социалистического общества», что преемником Ленина должен был стать человек с такой богатой биографией, как Сталин. А путь, в свою очередь, предполагал постепенное накопление собственной мифологии и иконографии, и даже в совершенстве овладевшей искусством править историю сталинской идеологии было не под силу полностью и навсегда организовать сложную систему персональных мифологий и иконографий на единый манер.

Pisch A. The Personality Cult of Stalin in Soviet Posters, 1929–1953. Archetypes, Inventions and Fabrications. Acton, 2016.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам. // Демоскоп Weekly: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения 01.09.2017)

Радек К. Б. Зодчий социалистического общества. М., 1934.

Селивановский С. Н. К вопросу об исторической топонимике Удмуртии в новейшее время // Иднакар. 2009. № 1 (5). С. 70–75.